

права крайне важно поднимать вопрос о совершенствовании применяемых методов правового регулирования. Необходимо осмысление того, какие методы воздействия являются оптимальными и эффективными.

Библиографические ссылки

1. Губин Е. П. Предмет предпринимательского права: современный взгляд // Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития : монография, коллектив авторов / МГУ имени М.В. Ломоносова / отв. ред. Е. П. Губин. М. : Юстицинформ, 2019. С. 50–59.

2. Предпринимательское право: Правовое сопровождение бизнеса : учебник для магистров / И. В. Ершова, Р. Н. Аганина, В. К. Андреев [и др.] ; отв. ред. И. В. Ершова. Москва : Проспект, 2017.

3. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 24 февраля 2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» // Российская газета. 2021. 7 апреля.

4. Коршунов Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. Москва : НОРМА : ИНФРА-М, 2011.

5. Курбатов А. Я. Новая номенклатура научных специальностей по юридическим наукам как тупик в развитии правовой науки (на примере специальности 5.1.3. «Частноправовые (цивилистические) науки») [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2021/09/09/novaya_nomenklatura_nauchnyh_specialnostej_po_yuridicheskim_naukam_kak_tupik_v_razvitii_ppravovoj_nau (дата обращения: 10.10.2021).

6. Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России : моногр. / отв. ред. В. А. Лаптев, О. А. Тарасенко. Москва : Проспект, 2020.

7. Чельшев М. Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Казань, 2009.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ДЕЙСТВИИ: ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С УЧЕТОМ ПРАВА ЕАЭС

Т. Н. Михалёва

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, Минск, 220030, Республика Беларусь, MikhaliovaT@bsu.by*

Рассмотрены вопросы влияния развития права ЕАЭС на деятельность субъектов хозяйствования, отмечены направления учета правового регулирования внутреннего рынка ЕАЭС при формировании стратегии хозяйственной деятельности, в том числе пределы союзного

регулирующего, специфики действия права ЕАЭС, доступных механизмах судебной и внесудебной защиты, стратегии интеграционного развития до 2025 года.

Ключевые слова: евразийская интеграция; Евразийская комиссия; защита прав и законных интересов; право ЕАЭС; прямое действие; суд ЕАЭС; хозяйствующий субъект.

С 2015 г. функционирует Евразийский экономический союз, ряд вопросов, влияющих на хозяйственную деятельность, например, в таможенной сфере, сфере стандартизации, некоторых иных, стали объектом регулирования в рамках единого экономического пространства на еще более ранних этапах. На сегодняшний день применение актов права Союза, в том числе их непосредственное применение и прямое действие, в ряде сфер привычны для субъектов хозяйствования (хозяйствующих субъектов в терминологии права ЕАЭС).

Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на ряд юридических аспектов, которые целесообразно учитывать не только при правоприменении, но и при стратегическом планировании хозяйственной деятельности (как на микроуровне предприятия – при формировании маркетинговой стратегии, планировании внутренних ресурсов, инвестиционной и сбытовой политики, стратегии защиты прав и законных интересов, проч., так и на макроуровне развития и поддержки предпринимательства, секторов экономики и т.п.).

Среди юридических направлений прогнозирования и планирования следует учитывать, как минимум, следующие. Во-первых, какова степень правовой интеграции внутреннего рынка в настоящее время, в том числе, что входит в сферу унифицированного регулирования и какие сферы находятся в сфере совместного регулирования, каковы инструменты и единые правила антимонопольной политики на трансграничных рынках. Во-вторых, каковы механизмы прямого действия и непосредственного применения актов права Союза, обладают ли они приоритетом в случае коллизий с национальным законодательством. В-третьих, каковы способы защиты прав и законных интересов, предоставляемых субъектам правом Союза. В-четвертых, каковы перспективы и инструменты унификации рынков в ЕАЭС в средне- и долгосрочной перспективе.

О союзном регулировании

В рамках Союза обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных Договором и международными договорами в рамках Союза (п. 1 ст. 1 Договора). Государства-члены осуществляют скоординированную или согласованную политику в пределах и объемах, установленных Договором и международными договорами в рамках Союза (п. 2 ст. 5 Договора). Анализ структуры и содержания Договора позволяет сделать вывод, что пределы и объем компетенции, переданной Союзу или распределенной между Союзом и государствами-членами в различных областях, непосредственно связаны с видом политики, осуществляемой в той или иной сфере – скоординированной, согласованной или единой. В разделах Договора, приложениях к нему, международных договорах в рамках Союза, посвященных отдельным сферам и вопросам интеграционного взаимодействия, можно найти указание, какой из видов политики применим к данным правоотношения, соответственно, какой метод правового регулирования будет использован.

В настоящее время к единой политике и установленной компетенции органов ЕАЭС относится таможенно-тарифное регулирование, нетарифное регулирование (за

исключением временных мер государств-членов, применение специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер, контроль за конкуренцией на трансграничных рынках, единые санитарные и фитосанитарные меры. В переходной стадии находится сфера технического регулирования: до принятия в той или иной сфере технического регламента ЕАЭС продолжают действовать национальные технические нормы, но в тех вопросах, где технические регламенты ЕАЭС вступили в силу, действуют только единые правила Союза. На сентябрь 2021 г., по информации ЕЭК, вступили в силу и действуют 43 технических регламента Союза.

В отношении некоторых весьма важных вопросов формирования общего рынка правом Союза предусмотрен плавный переход от национального к единому регулированию. Согласно ст. 30, 31 Договора о ЕАЭС функционирование общего рынка лекарственных средств и медицинских изделий осуществляется в соответствии с международными договорами в рамках Союза (заключены в 2014 г.). На сентябрь 2021 г. проработаны и внедрены единые реестры и базы данных (6 – по лекарственным препаратам, 3 – по медицинским изделиям), принят 71 акт Евразийской экономической комиссии, в том числе 27 решений Совета ЕЭК, 12 решений Коллегии ЕЭК, 32 Рекомендации ЕЭК.

В отдельных сферах четко не установлено, к какой политике относится свод норм, содержащихся в Договоре или международных договорах в рамках Союза. Однако уяснение сущности устанавливаемых правил и принципов регулирования посредством системного толкования позволяет судить о том, к какой политике относится эта сфера. В практике Суда Союза были определены критерии отнесения тех или иных вопросов к конкретному виду политики. В консультативном заключении по делу *О вертикальных соглашениях* Судом исходя из контекста ст. 2 Договора сформулированы следующие критерии отнесения к единой политике: наличие унифицированного правового регулирования; передача государствами-членами компетенции органам Союза. В рассматриваемом деле эти критерии послужили отнесению регулирования конкуренции на трансграничных рынках к единой политике ЕАЭС. Это означает, что, во-первых, правила конкуренции на трансграничных рынках Союза устанавливаются не национальными органами, а ЕЭК, и во-вторых, что эти правила носят единый унифицированный характер. В российских публикациях давно обращают внимание на значение для субъектов такого рода правил [3].

О действии права Союза

Среди специфических свойств права Союза выделяют его верховенство и прямое действие. [4, с. 124] В Договоре сказано о непосредственном действии отдельных актов Союза, а именно решений Комиссии, при этом в отношении Договора, международных договоров в рамках Союза, решений Высшего и Межправительственного совета таких указаний нет. Концепция непосредственного применения нашла отражение в актах Суда Союза в более если не широкой, то точной формулировке. Одним из первых актов, в котором Суд начал раскрывать суть такой характеристики права Союза, стало решение Большой коллегии по делу *О калининградском транзите*, где отмечено, что норма Договора или международного договора в рамках Союза будет применяться непосредственно, если она имеет императивный характер, не содержит изъятий и отсылок. Эти критерии могут быть применимы для оценки возможности непосредственного применения нормы и на национальном уровне.

В консультативном заключении по делу *О вертикальных соглашениях* Суд пошел дальше и выявил прямое действие норм права Союза, а именно ст. 76 Договора относительно общих правил конкуренции: если поведение предприятия нарушает ст.

76 Договора, но не подпадает под юрисдикцию Комиссии, то это является основанием для обращения в национальные антимонопольные органы и применение ими наднациональных норм, даже в отсутствие соответствующих положений в национальном законодательстве.

В консультативном заключении по делу *О профессиональных спортсменах* Суд указал, что основанием для признания за нормами прямого действия и непосредственного применения служит тот факт, что эти нормы наделяют заинтересованных лиц правами, являются достаточно четкими и ясными, а также не требуют имплементации в национальное законодательство. Как подчеркнул Суд, положения ст. 97 Договора адресованы не только государствам-членам Союза, но и работодателям, трудящимся государств-членов.

Наделение правами и законными интересами может выражаться как в том, что в норме предусмотрено четко право лица, так и в том, что на государства возлагается обязанность, соблюдение которой вправе ожидать лицо. Так, если норма достаточно ясная, четкая, наделяет правами лицо, то речь идет о прямом действии нормы, что автоматически означает и ее непосредственное применение.

Прямое действие норм права Союза, их непосредственное применение в судах государств-членов – важнейшая гарантия защиты прав в ситуации, когда у физических лиц отсутствует возможность обращения в Суде Союза в целом, а у хозяйствующих субъектов – возможность обжаловать действия уполномоченных органов государств-членов либо принятые ими акты. В такой ситуации национальные субъекты имеют возможность обратиться в национальный юрисдикционный орган и непосредственно применить соответствующую норму права Союза. Не стоит забывать, что правом Союза предоставлена и достаточно широкая возможность судебной и внесудебной защиты прав и законных интересов.

Защита прав и законных интересов на уровне Союза

Судебная защита прав и законных интересов на уровне Союза осуществляется в Суде Союза в нескольких видах искового производства. Дела о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений Договору о ЕАЭС или международным договорам в рамках Союза. Данный вид заявлений может быть подан государствами-членами или хозяйствующими субъектами, однако объем их права на иск их различен.

Во-первых, государства-члены вправе просить Суд проверить решение Комиссии на соответствие не только Договору или международным договорам в рамках Союза, но и на соответствие решениям других органов. Отсутствие такого права у хозяйствующих субъектов объясняется тем, что решения Высшего экономического совета и Межправительственного совета не обладают прямым действием, не применяются непосредственно, не наделяют правами частных лиц.

Во-вторых, хозяйствующие субъекты могут обжаловать только те решения, которые затрагивают их права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности непосредственно (подп. 2 п. 39 Статута Суда ЕАЭС). Данная норма содержит два условия, при которых заявление хозяйствующего субъекта будет приемлемым:

- установление факта того, затронуты ли права хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности,
- установление факта того, нарушаются ли предоставленные Договором о Союзе или международными договорами права или законные интересы.

Данные положения потребовали уяснения относительно объема понятий «предпринимательской и иной экономической деятельности», «непосредственно

затрагивающими», установления процедурных правил проверки данных фактов в ходе правоприменительной практики и даже то, что подразумевается под понятием «решение Комиссии».

Так, в решении по делу ООО «Севлад» Суд пришел к выводу, что факт нарушения прав и законных интересов проверяется Судом только на стадии рассмотрения дела по существу, но не стадии принятия дела к производству. На стадии принятия дела к производству Коллегия устанавливает только то, затрагиваются ли права хозяйствующего субъекта решением Комиссии. Таким образом, хозяйствующему субъекту не нужно доказывать, что решение было применено конкретно в его отношении (такое может быть – например, если речь идет о решениях о применении антидемпинговой или компенсационной пошлины или иной меры к конкретному субъекту, решения о наложении штрафа, некоторые иные «индивидуальные» решения).

Достаточно доказать, что решение могло быть применено к нему в связи с его деятельностью. Это, безусловно, делает судебную защиту более доступной. Однако это положение не безгранично и действительно в каждом деле Суд очень тщательно проверяет непосредственную связь заявителя с оспариваемым решением.

Так, в решении по делу ЗАО «Капри» заявитель выразил заинтересованность в аннулировании решения Комиссии, которым предоставлялись лучшие условия деятельности для субъектов в смежной сфере. Сам заявитель не работал с товаром, о классификации которого шла речь в оспариваемом решении. Суд отказал в принятии дела к производству на основании того, что заявитель не доказал непосредственную связь своей предпринимательской (иной экономической) деятельности с данным решением.

Также в деле по заявлению ООО УК «Содружество» Суд отказал в принятии заявления к производству на основании недоказанности непосредственного интереса истца. Согласно заявлению истцом и управляемыми им хозяйствующими субъектами на территорию Союза импортируется соя (сухие бобы), являющаяся предметом регулирования Технического регламента ТС «О безопасности зерна» ТР ТС 015/2011.

Однако исследовав заявление ООО УК «Содружество» и приложенные к нему материалы, Коллегия Суда пришла к выводу об отсутствии документов, подтверждающих ввоз истцом на таможенную территорию Союза сои (сухих бобов), что свидетельствует о недоказанности наличия непосредственного интереса истца в оспаривании бездействия ЕЭК, а, следовательно, об отсутствии компетенции Суда на рассмотрение данного спора» (из постановления от 05.07.2021 г. по делу С-7/21).

Доступность судебной защиты обусловлена и отсутствием сроков, в течение которых субъект может оспаривать решение Комиссии.

В то же время оспариванию подлежат только решения, но не иные акты Комиссии. Не могут быть оспорены ни рекомендации, ни распоряжения. Так, в деле по заявлению ООО «Ремдизель» о признании дополнительного примечания к позициям ТН ВЭД, содержащихся в таблице Пояснений к единой ТН ВЭД Союза, являющихся приложением к Рекомендации ЕЭК от 12 марта 2013 г. № 4, противоречащим ст. 5 Договора о ЕЭК постановлением Коллегии Суда от 8 апреля 2016 г. производство по делу было прекращено на основании того, что оспариваемые акты Комиссии (включая Рекомендацию Коллегии ЕЭК № 4) не носят нормативно-правового характера, не включены в право Союза в соответствии со ст. 6 Договора о Союзе и не подлежат оспариванию в Суде как не относящиеся к его компетенции.

Не в компетенции Суда и изменение содержания решения или отмене решения, либо снижение или увеличение размера штрафа в антимонопольных решениях. Суд ЕАЭС выносит решение лишь о соответствии/несоответствии решения Комиссии

Договору о ЕАЭС, международным договорам в рамках Союза и решениям органов Союза. В свою очередь задача ЕЭК – привести свое решение в соответствие с правом Союза.

Дела об оспаривании действий (бездействия) Комиссии также могут быть инициированы как государствами, так и хозяйствующими субъектами. Действие и бездействие – парные юридические категории, выражающие сущность юридически значимого поведения.

В зависимости от характера поведения субъекта его деяние может квалифицироваться как действие или бездействие. В первом случае речь идет об активном поведении, во втором – о пассивном. Такая классификация актуальна и в отношении правомерного поведения, и в отношении противоправного деяния. Право Союза не содержит определение понятия «бездействие».

В одном из своих первых дел (в решении по делу *ИП Тарасик*) Суд ЕАЭС изначально выбрал более широкую трактовку данного понятия. Как указал Суд, «неправомерное бездействие» – это неисполнение либо ненадлежащее исполнение наднациональным органом (должностным лицом) обязанностей, возложенных на него правом Союза, в частности оставление обращения хозяйствующего субъекта без рассмотрения полностью или частично, дача ответа заявителю не по существу обращения, если рассмотрение этого обращения относится к компетенции органа (должностного лица).

Результатом иска о бездействии должно быть установление обязанности Комиссии по совершению определенного действия. Однако в рамках иска о бездействии Суд не может определять, каким должно быть содержание такого действия. Так, в решении Апелляционной палаты Суда от 9 июня 2021 г. по делу *АО «ДХЛ Глобал Форвардинг»* Суд указал, что предметом оценки в рамках исков о бездействии Комиссии является наличие или отсутствие достаточных оснований для проведения мониторинга, но не его результаты.

Функция мониторинга, осуществляемого ЕЭК, представляет собой своего рода внесудебный механизм защиты прав и законных интересов через оценку исполнения международных договоров и решений Комиссии. В ближайшей перспективе стоит вопрос учреждения международного арбитража ЕАЭС для защиты прав и законных интересов хозяйствующих субъектов (запланировано в стратегии развития интеграции).

Стратегия развития интеграции-2025

Совет Евразийской экономической комиссии на заседании 5 апреля 2021 г. принял план по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года, которые были утверждены главами государств 11 декабря 2020 г. Речь идет о комплексе порядка 330 мер и механизмов. Ее выполнение предусматривает разработку и подписание 13 международных договоров, более 60 нормативных правовых актов ЕАЭС, внесение около 25 изменений и дополнений в Договор о Союзе, а также изменений в национальные законодательства государств ЕАЭС. В частности, до конца текущего года предусмотрено внести изменения в порядок разработки технических регламентов ЕАЭС, подготовить базу для перехода на электронные формы сертификатов соответствия и деклараций о соответствии, а также принять решение о начале реализации проекта «Цифровое техническое регулирование» и другое. Кроме того, на 2021 год запланировано подготовить проект международного договора по развитию единой системы транзита товаров в Союзе и заключить международный договор о порядке обмена сведениями, входящими в состав кредитных историй. На первый план выходит рынок транспортных услуг, в том числе либерализация автомобильных грузоперевозок, создание логистических коридоров с

соответствующей инфраструктурой. Биржевая торговля и государственные закупки – также в первоочередных планах сведения к единым стандартам и открытому доступу. Таким образом, для государственных органов предстоит большая экспертно-аналитическая нагрузка по оценке необходимости внесения изменений и дополнений в акты национального законодательства, для субъектов хозяйствования – возможна корректировка маркетинговых и сбытовых стратегий, расширение способов и оснований защиты прав и законных интересов.

Библиографические ссылки

1. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс, 2021.
2. Суд ЕАЭС – Судебные дела [Electronic resource]. https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/ (дата обращения: 28.10.2021).
3. Исполинов А. С. Суд ЕАЭС: конкурентное право Союза существует и должно активно применяться. Открывается новая сфера для юристов-практиков [Электронный ресурс] URL: https://zakon.ru/blog/2017/04/24/sud_eaes_konkurentnoe_pravo_soyuza_suschestvuet_i_dolzno_aktivno_primenyatsya_otkryvaetsya_novaya_s (дата обращения: 06.09.2019).
4. Дьяченко Е. Б., Энтин К. В. Свойства права Евразийского экономического союза сквозь призму практики Суда ЕАЭС // Журнал российского права. 2018. № 5. С.123–133.
5. Стратегические направления развития евразийской интеграции до 2025 года [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс, 2021.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АРЕНДЫ ИЗОЛИРОВАННЫХ ПОМЕЩЕНИЙ, НАХОДЯЩИХСЯ В СОБСТВЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. А. Привалов

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь, pravobel1980@gmail.com*

Определены проблемы, возникающие в процессе исполнения договоров аренды изолированных помещений, находящихся в республиканской собственности. С учетом правоприменительной и судебной практики Республики Беларусь, зарубежного опыта аренды коммерческой недвижимости предложены рекомендации по дальнейшему совершенствованию правового регулирования аренды изолированных помещений, находящихся в республиканской собственности.

Ключевые слова: аренда изолированных помещений, находящихся в собственности Республики Беларусь

Предоставление в аренду изолированных помещений, находящихся в республиканской собственности, является одной из форм наиболее эффективного распоряжения имуществом Республики Беларусь.

За первое полугодие 2021 г. в аренду было сдано 3,32 % от общей площади недвижимого имущества, находящегося в республиканской собственности [1, ст. 4], а размер поступлений в республиканский бюджет от сдачи в аренду имущества (за